

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/rd5n-gg2k-hduk

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIX • 2026 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, *помощник секретаря,*
кандидат исторических наук (Россия)

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – И. В. Кульганек, Д. А. Носов

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.03.2026

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2026

© Коллектив авторов, 2026

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ

- И. В. Кульганек.** Монгольские песни из дневника Н. Н. Шнитникова 1895 года
(по материалам архива востоковедов ИВР РАН)..... 5

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

- Оюундалай.** «Новая политика» Цинской империи и Монголия:
кризис управления пограничными территориями на рубеже XIX–XX вв. 18
- А. С. Сараев.** Происхождение тюркоязычия в представлении
советских историков-кочевниковедов..... 28

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- И. А. Алимов.** «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: все внутренние и внешние приказы..... 56
- Ю. А. Иоаннесян.** Концепция вечно пребывающего в мире
«Доказательства Божьего» в исламе 64

ПЕРЕВОДЫ

- Р. В. Ивлева.** Сэнгийн Эрдэнэ. Дзанабадзар 73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Федорова.** Выставка «Источник Святого Учения»
в Российском этнографическом музее..... 93

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191181, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIX • 2026 • No. 1

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*

G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova, *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

IN THIS ISSUE:

PHILOLOGY

- Irina V. Kulganek.** Mongolian Songs from Nikolai N. Shnitnikov's Diary (1895)
Kept at the Archives of Orientalists of the IOM RAS..... 5

HISTORY. HISTORIOGRAPHY

- Wuyundalai.** "New Policy" Of The Qing Empire and Mongolia: the Crisis of Border
Territory Governance at the Turn of the 19th–20th Centuries..... 18
- Andrey S. Saraev.** The Origin of the Turkic Languages According
to the Soviet Historians of the Nomadism..... 28

RELATED DISCIPLINES

- Igor A. Alimov.** «Dong Jing Meng Hua Lu»: All Internal and External Departments..... 56
- Youli A. Ioannesyan.** The Islamic Concept of the Ever-Present
"Proof of God" in the World..... 64

TRANSLATIONS

- Regina V. Ivleva.** *Sengiin Erdene*. Dsanabadsar 73

ACADEMIC LIFE

- Marina V. Fedorova.** The Exhibition «Source of Holy Teaching»
in the Russian museum of Ethnography 93

УДК 821.512.36
DOI 10.48612/IVRRAN/unxa-1m47-zav3

Р. В. Ивлева

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова

Сэнгийн Эрдэнэ **ДЗАНАБАДЗАР¹**

(предисловие, перевод с монгольского, примечания)

Аннотация: В статье предлагается перевод первой главы романа «Дзанабадзар» современного монгольского писателя Сэнгийн Эрдэнэ. Роман написан в 1989 году, посвящен реальному историческому лицу — главе буддийской церкви Монголии. Несмотря на новаторство романа и высокий художественный уровень, роман не переведен до настоящего времени на русский язык. Предлагаемый ниже перевод выполнен под руководством доктора филологических наук, профессора Л.К.Герасимович в качестве дипломной работы на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Публикуется впервые. Планируется публикация всего романа. Помимо перевода читателю предлагаются предисловие и примечания.

Ключевые слова: современная монгольская литература, буддизм, Монголия, Тибет, Лхаса, буддийское изобразительное искусство.

Об авторе: Ивлева Регина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и медицинской терминологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова (Россия, Санкт-Петербург) (regina_i@list.ru).

© Ивлева Р. В., 2026

Сэнгийн Эрдэнэ (1929–2000) — народный писатель Монголии, прозаик, поэт, драматург; автор произведений: «Пыль из под копыт» (1964), «Год синей мыши» (1970), «Моя родина — юрта с тоно» (1978), «Солнечные журавли» (1979), «Три связанные повести» (1980), «Голубеющие горы» (1981), «Круг жизни» (1983), «Дзанабадзар» (1989), «Встретимся в следующей жизни» (1996). Мировое литературоведение высоко ценит новаторское художественное творчество С. Эрдэнэ — писателя большого лирического таланта, известного далеко за пределами Монголии. Ему принадлежит заслуга создания в художественных произведениях психологически объемных образов. Новый стиль писателя стал прорывным методом всей современной монгольской литературы. О лучших героях его рассказов и повестей ведущий отечественный монголовед-ли-

тературовед петербургской востоковедной школы Л. К. Герасимович написала, что они «смотрят на мир пристально и взыскательно... их идеал — благородные чувства и победа вселенского добра...» [Герасимович 1991. С. 137]. С. Эрдэнэ понимал ответственность, лежащую в монгольском обществе на писателе, как на человеке, формирующим своим искусством образ современника, и выразил свое отношение к творцу в статье об «известной самостоятельности художественного образа» по отношению к жизни и необходимости создания «гармоничного образа», который бы «жил в веках» [Эрдэнэ, 1979. С. 260].

Большая часть произведений С. Эрдэнэ приходится на создание исторических романов. «Дзанабадзар», написанный на пике творческого взлета художника, является одним из его лучших романов, получившим заслуженное признание монгольской и мировой литературной критики. Герой романа, Дзанабадзар — реальное историческое лицо (1635–1723).

---

¹ Дзанабадзар — собственное имя человека, давшее название одноименному роману.

Первый монгольский Богдо-гэгэн или глава буддийской общины в Монголии, правитель Халхи под сюзеренной властью империи Цин; создатель письменности соёмбо, поэт, талантливый скульптор и художник, основатель монгольской портретной живописи, уникальные произведения которого, будь то буддийская пластика, картины или тханка, поражают чистотой и мелодичностью линий, одухотворенностью и неповторимой манерой исполнения. Многочисленные выставки, постоянно организуемые по всему миру, поднимают престиж монгольского искусства. Несмотря на высокий художественный уровень романа и введение в

сюжет столь значимого исторического персонажа, до настоящего времени роман не был издан на русском языке. Предлагаемый перевод романа был выполнен нами в 1996 г. в качестве дипломной работы под руководством доктора филологических наук, профессора Л. К. Герасимович на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ.

С. Эрдэнэ прекрасно владел русским языком. Ознакомившись с переводом, он высоко оценил его. Перевод публикуется впервые, как память о выдающемся писателе, поддерживавшим на протяжении всей жизни дружеские контакты с Л. К. Герасимович.

Глава первая Возжелав золотые бразды

*Устранив тьму невежества живых существ,
распространим свет мудрости,
освещающий всё вокруг*
(Из молитвы «Упорядочивающий время
или Джанлавцогдзол»²)

1654 год. Цаган сар³ года синей лошади одиннадцатого цикла летосчисления. Уже четыре года как в Страну Снегов⁴ приехал первый богдо-гэгэн⁵ Джебдзун-Дамба хутухта⁶ Дзанабадзар. Один год он провел в Лхасе с тибетским Далай ламой V Агванлуvsанджам-

цем⁷ Очирдара⁸, великим буддийским ученым и поэтом, главой мировой религии совершеннейшего Шакьямуни⁹. И сейчас встречается он Новый год — год лошади.

Ему исполнилось 18 лет. Он был крепкого телосложения, умен, пронизателен. С самого раннего возраста изучал учение Будды. Бывало иногда, ему хотелось похулиганить. Но в прошлом году в Потале, в ставке Далай-ламы, он собрал всю свою волю и сейчас только и делал, что учился наблюдению и созерцанию Вселенной.

В первый день Цаган сара, называемого тибетцами ло-сар, лхасцы молятся у Поталы, у

² Джанлавцогдзол — тиб.: *Byin glabs mchod stsol* 'Даруй высшее благословение', ритуальная фраза, часто встречающаяся в тибетских молитвах, а также название буддийского текста, представляющего собой инструкцию по совершению благословений (консультация кандидата исторических наук С. С. Сабруковой).

³ Цаган сар — монг. *Цагаан сар*, дословно — 'Белый месяц', название монгольского Нового года.

⁴ Страна Снегов — поэтическое самоназвание Тибета.

⁵ Богдо (Богдо гэгэн) — глава буддийской сангхи или общины Монголии.

⁶ Джебдзун-Дамба хутухта — монг. *Жавзандамба хутагт*, дословно — 'Святой почтеннейший господин', титул в тибетском буддизме в одной из линий перерождений (реинкарнаций). Восходит к ближайшему ученику Будды Шакьямуни, его двоюродному брату — Ананде. Хутухта — монг. хутагт, святой, священный. Высокий религиозный титул в монгольском и тибетском буддизме для особо почитаемых перерожденцев.

⁷ Далай лама — титул главы последователей тибетского буддизма. Считается воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары — Будды сострадания. Далай — монг. дословно — 'океан'. Лама — санскр. дословно — 'учитель, наставник'. Далай лама V имел имя Агванлуvsанджамц (1617–1682), известен как Нгаванг Лобсанг Гьяцо, или как «Великий Пятый», выдающаяся личность, сыграл видную роль в истории Тибета. Был главой монастырей Галдана и Брейбуна. Цинским правительством ему была пожалована печать "Далай-лама держатель ваджры и Владыка буддизма". Объединил в Тибете духовную и светскую власть.

⁸ Очирдара (Ваджрадхара) — изначальный Будда, основа и начало всего пантеона божеств Ваджраяны, одного из направлений буддизма. Выражает идею о неразрывном единстве женского и мужского начал в мире. Изображается с молнией (ваджра), которая олицетворяет активное, мужское начало, и колокольчиком (хонх) — символом пассивности и женского начала.

⁹ Шакьямуни — основатель и центральная фигура буддизма (Имя при рождении — Сиддхартха Гаутама). Жил в Южной Азии в V или VI в. до н.э. Дословно — 'Пробужденный из рода Шакья'.

малого буддийского храма и ходят по гостям из дома в дом. Юноша Дзанабадзар, просидев всю ночь в маленькой комнатке в правом крыле большой каменной лестницы на верхнем этаже ставки Улан, едва не достигавшей вершины горы Маробари, лепил из теста фигурку божества Балдан-лхамо¹⁰, восседавшего на коне. Немного вздремнув, он проснулся с восходом солнца. Прошлой ночью ему приснился дух Балдан-лхамо. Согласно легенде, преисполненная красотой дагиня¹¹ была охвачена страстью к мужчине. Потеряв разум от неутолимого желания, она съела своего рожденного ребенка и упала замертво. Образ божества с оскаленными зубами изменился и стал красивой девушкой, в которой можно было узнать Амину. Она поднималась по ступенькам Поталы. Дзанабадзар подумал, что вид женского тела является причиной страданий. Когда он попытался потушить пламя страсти нисваниса¹², пришедшего во сне, у него ничего не вышло.

Его комната была размером в три сажени. Решетчатое окно на западной стороне выходило на гору Чогбори. Приехав сюда осенью год назад, он жалел, что окна его комнаты не смотрят в сторону родины. Уже десять лет, как он носит титул монгольского Богдо-гэгэна Джавдандамбы. В тринадцать лет он по собственной инициативе построил маленький храм на реке Шанхын Сарнай. Статую Будды он создал своими руками. Тогда ему, прославленному, ловкому и умному, заснеженная Лхаса не показалась чужой и холодной. Он понимал, что полученные еще в родной Монголии знания об учении Будды и выученный им тибетский язык были достаточны для того, чтобы чувствовать себя уверенно и быть принятым всерьез. Из этой очень маленькой, теплой и удобной комнатки, ставшей для него домом, он наблюдал за каменной скалой. Если на восточной горе утром солнечно, тогда и на душе светло, а если

туманно, то и на душе пасмурно — это стало для него правилом. Первый день Цаган сара обещал быть солнечным и спокойным. Дзанабадзар встал с постели в тот момент, когда солнечный луч осветил Чогбори. Он надел плотные монгольские штаны, узорчатую одежду, шитую матушкой-ханшей. Умылся и стал рассматривать сделанное им вчера божество. По утрам, сидя за занятиями, он расслаблялся и медитировал, сконцентрировавшись на предмете своего размышления. Это просветляло ум и способствовало творчеству. Он не носил тибетских штанов с открытой промежностью, не любил и ламские, предпочитая им шитую мамой монгольскую одежду, которую носил под верхней одеждой. И хотя первый министр Далай-ламы — дисрид — строгий высокий тибетец, буквально сверлил его глазами за это, всё же не смог полностью навязать всё тибетское, так как Далай-лама сказал, что монгольский Богдо Джавдандамба может поступать, как хочет.

Изображение Лхамо-будды, поставленное на стол, получилось необыкновенным. В час коня, как было назначено дисридом, он вместе с Галданом отправится на встречу с учителем. Дзанабадзар собирался преподнести это изваяние вместе с хадаком. Поэтому он так старался. Смешав муку с маслом, он лепил фигурку божества. И когда он сидел, старательно смешивая клей, серебро, медь, золото и краску с маслом, ему вдруг представилась монгольская девушка в белой дели верхом на красивом коне. Грезы будто воплотились в статуэтке, сделав её едва уловимо отходящей от устоявшейся традиционной манеры исполнения. Однако невозможно было определить, что именно делало её необычной. Она была выполнена прекрасно и искусно. Вообще, Дзанабадзар часто вспоминал хрустальное течение Орхона, протекающего по западной стороне Эрдэни Дзу¹³, аромат цветов, приносимый ветром с берега реки, матушку-ханшу Ханджамц, поющую мягким грудным голосом, девушку Амину, которая ка-

¹⁰ Балдан-лхамо — женское гневное божество в тибетском буддизме. Изображается в виде всадницы сине-черного цвета с огненными волосами, восседающей на муле. Является покровительницей многих буддийских тибетских монастырей.

¹¹ Дагиня — небожительница.

¹² Нисванис — влечение к материальному.

¹³ Эрдэни Дзу — монг.: *Эрдэнэ Зуу*. Первый буддийский стационарный монастырь в Монголии. Крупнейший политический и религиозный центр Монголии, находился в столице Монголии — Хархорине, на правом берегу р. Орхон.

залась ему самой красивой на свете. Ее он встретил четыре года назад, когда ненадолго заехал к Сунгэрэлу-тайджи — выходцу из кукунорских монголов. Поскольку Сунгэрэл, известный воин и поэт, был из рода Цогто хунтайджи¹⁴, к которому относился Дзанабадзар, отец-хан, когда отправлял сына в Тибет с Гомбодорджем, велел остановиться у них, разузнать о Тибете, привести в порядок лошадей, передохнуть. После двухмесячной утомительной дороги Дзанабадзар приехал в солончаковую долину Улан-Балгас, богатую водой и травами. Здесь располагалась ставка Сунгерела-тайджия. Богдо остановился у него на несколько дней. Для денщиков, поваров, прислуги Джавдандзамбы, более чем двадцати человек, поставили палатку. А для Богдо-гэгэна возвели большую белую юрту. Окрестные монголы, собравшись у нее, устроили молебен. Несколько дней гремел праздник и игрища. Весть о приезде монгольского перерожденца Джавданзамбы не могла не всколыхнуть сердца народа, ибо среди потомков монголов, покинувших Халху в период Цогт-хунтайджи, еще сохранились легенды о золотых потомках Чингис-хана, родных землях рек Онона, Керулена и Орхона. Монгольская аристократия, вышедшая из Халхи, потомки, следовавшие вере тибетских красношапочников, со временем приняли учение желтой веры Дзонхавы. Сунгерел-хан, один из тех, кто превозносил и почитал род Халхов, очень обрадовался приезду главы желтой веры, золотого потомка Чингис-хана. Он буквально не оставлял его ни на минуту, занимая разговорами об истории Страны Снегов и сегодняшней жизни. Возможно, у него были какие-то скрытые намерения. У Сунгерела была дочь по имени Амина. Она сразу понравилась Дзанабадзару. Ее имя не выходило у него из головы. Амина — высокая, стройная девушка с тонкой талией, длинной шеей, с озорными черными глазами, светлым румяным лицом, гибкой танцующей походкой. Ей еще нет и шестнадцати. Она играет, перебирая тонкими белыми пальцами

¹⁴ Цогто-тайджи — монг. Цогт тайж (1581 — 1637), монгольский князь, владевший центральной частью Халхи, военный деятель, потомок Даян-хана.

атгу¹⁵, поет чистым голосом и прекрасно читает стихи Миларайбы¹⁶ и Лувсанджамца, переведенные отцом на монгольский. Дзанабадзар не знал в Халхе другой, кроме своей матери, такой же талантливой девушки. Поскольку он был уже не ребенок, чувства симпатии и одобрения стали сменяться мужским чувством. Еле удержавшись, чтобы не остаться здесь еще на некоторое время, Дзанабадзар отправился в путь. Прибыв в Лхасу, он усердно занялся наукой, надеясь забыть Амину. Но ничего не вышло. Он встречал разных женщин, начиная от известной красавицы принцессы Рахулгуа Пунцагнамжил до жен торговцев Непала, Индии и Китая. Красавицы под предлогом участия в церемонии поклонения Далай-ламе во множестве бродили по дворцу Поталы. Но красивее Амины девушек он не встречал. Так, с прошлого года, начав переводить стихи учителя, он немного изменил известное стихотворение «Янжин баясгах» («Восторгаться Янжин»). И когда тосковала душа, он шепотом читал:

Карие, лукавые, страстные глаза,
Забываю в Вас свои страданья.
Образ твой мечты хранит, грозя
Разорвать мне сердце от желанья.

Как ненастной ночью облака
Наполняют мир живой водою,
Так душа моя живет пока,
Вся она заполнена тобою¹⁷.

Много размышляя, он понял причинную связь буддийского учения с тем случа-

¹⁵ Ятга — монг. *ятаг*, монгольский щипковый музыкальный инструмент, разновидность цитры с разным количеством струн.

¹⁶ Миларайба, (1042—1123), тибетский буддист-отшельник, поэт, философ, принадлежал к мистической школе буддизма.

¹⁷ Дословный перевод стихотворения:

Карие прекрасные глаза Амины / Заставляют любого забыть страдания.

Хотя еще не испытала вкус страсти / Завладевает мечтами, наполняя любую душу.

Грудь ее, вызывающая желание / Похожа на два белых облака в небе.

Эти белые облака, которые питают землю дождем / Также радуют душу, как её грудь.

ем, когда четыре года назад он задержался у Сунгерела-тайджи. Тогда он впервые отправился в далекий путь из родного кочевья, из своей страны, взяв на себя тяжелую ношу ответственности за судьбу всех монголов. Мальчик Дзанабадзар, начавший понимать неизбежность своего предназначения, за три с лишним месяца добрался от Эрдэни Дзу до Баруун Зуу. С самого детства он рос на руках хана-отца и ханши-матери, в окружении многих родственников, лам и нойонов в обстановке особого почтения. Изначально понимая, что человек, занимающий высокое место по воле судьбы, должен иметь собственную голову, думать о том, чтобы умом или силой занять в судьбе Монголии достойное место. Знал, но не торопился с этим. Пока ехал в Лхасу от Сунгерела-тайджи, размышлял о причинах распространения в Стране Снегов буддийского учения и его существовании на протяжении пяти столетий, о том, почему история людей далекого Тибета во главе с Далай-ламой связана с прошлым монгольского народа, его настоящим и будущим. Тумэнхэн Цогто-хунтайджи, двадцать с лишним лет назад изгнанный по непонятной причине из Халхи, вскоре объединился с престарелым чахарским Лигдэн-ханом. Возглавляя кукунорских монголов, за какие-то два года собрал и вооружил многотысячное войско. Он пошел войной против религии Дзонхавы, против Очирдара Далай-ламы Лувсанджамца. Не помоги Гуши-хан Далай-ламе, выступив на стороне желтой веры, не измени сын Цогто-хунтайджи Арслан, трудно сказать, какая установилась бы вера в Лхасе и в Тибете. Точно известно, что Далай-лама лишился бы престола. И на ханский престол во главе красношапочников сел бы Пунцагнамжил, отец прекрасной принцессы Рахулгуа, или же сам Цогто-хунтайджи. Если бы это случилось, разве сидели бы сложа руки маньчжурский хан, хан-отец Гомбодордж и другие халхо-ойратские ханы и нойоны? Но судьба Цогто-хунтайджи повернулась к нему спиной, а судьба Далай-ламы улыбнулась. Поэтому ойратский Гуши-хан и напал на Цогта малочисленным войском. Ради Тибета многие тысячи монголов пролили кровавые реки, сложили свои кости.

Смелый воин, поэт Цогто-хунтайджи погиб, раненый в сердце монгольской стрелой. Как вспоминают о своем бегстве оставшиеся воины Цогта, в год огненной коровы (1637 год) в первый месяц весны Сунгерел-тайджи сам принимал участие в боевых сражениях. Трудно было предсказать их последствия: монгол убивал монгола, проливая море крови. Однако ради чего стоило убивать друг друга, юноша Дзанабадзар никак не мог понять. Лигдэн-Чингис — Лигдэн-хан, носивший имя великого монгольского хана, объединившись с Цогто-хунтайджи воевал против маньчжуров, что одобряли и поддерживали хан-отец Гомбодордж и другие халхаские ханы. Однако почему Цогто-хунтайджи, потомок Гэрэсэндза, перестал быть своим в родной Халхе? Когда он спрашивал об этом отца и старших, они говорили, что Рябой Цогто погубил себя своею же ошибкой. В чем была его ошибка? Говорят, он поддерживал красношапочников, проповедовал веру, противоположную вере Дзонхавы, построил красношапочникам храм. Однако в буддийском Тибете живут в мире сотни тысяч лам желтошапочников и красношапочников, поклоняясь одному Далай-ламе. То же самое и тибетские ламы, прибывшие в Эрдэнэ Дзу. Видимо, только когда берут в руки оружие, видят разницу между желтыми и красными шапками. Цогто, потомок Тушету-хана, все время жил в одном кочевье. Хан-отец Гомбодордж и брат, нойон Чахундордж, вспоминая хунтайджи, говорили, что тот был очень умным, смелым, красивым мужчиной. Но при этом иногда говорили, что если бы не Рябой Цогто, вопрос о вере решался бы более мирно и спокойно, чем сейчас. Цогто-хунтайджи настроил против себя маньчжурского хана. Однако благодаря широте души Далай-ламы, вероятно, есть намерение установить в Монголии буддийскую веру мирно и спокойно. Матушка-ханша Ханджамц почитала Цогто-хунтайджи и его мать Мадэ Тайгал, как людей, преисполненных мудрости и знаний. Любимая ее книга — стихотворная биография Мялая¹⁸, переведенная на монгольский Цогто-хунтайджи. Когда про-

¹⁸ Мялай — Миларайба.

шлым летом по заданию учителя Дзанабадзар делал скульптуру Миларайбы в Большом Западном храме Лхасы, он уже имел представление о нем из биографии Мялая, которую читала мама. Он вылепил его в образе просто-плохо одетого бедного банди¹⁹, индуса или бирманца. Это очень понравилось учителю. Когда Дзанабадзару было восемь лет, матушка-ханша отправилась с ним из Эрдэни Дзу в гости к Сэцэн-хану, семья которого располагалась на большом острове Керулена. На берегу реки Тула поклонились легендарным руинам ставки Мадэ-ханши или белого дома Цогто. И показала сыну надписи Цогто. Наскальная надпись гласила: «Двадцать первого числа первого месяца весны года белой курицы (это за четырнадцать лет до рождения Дзанабадзара) Цогто-тайджи охотился в северных горах Хангая. Там он подскользнулся на шелухе и упал. Взбываясь на возвышенность, посмотрел на восток, душа его растаяла и, вспомнив тетушку Халгут, он заплакал и сложил стихи.

Моя тетушка Халгут, у реки Онон,
На Орхоне и Туле мы были счастливы.
Хоть далека Халха от земли онгнигудов
Но един воздух наших дум и любви».

Прочитав это, Дзанабадзар предположил, что Цогто-хунтайджи, зная о скором расставании с родиной, погруженный в печаль, совершил обряд прощания и в память об этом высек на скале эти стихи. Охваченная печалью матушка-ханша сказала, вытирая слезы: «Сын мой, когда-нибудь посети то место, где закончил свою жизнь Тумэнхэн Цогто-хунтайджи. Поклонись его душе. Если остался хоть кто-то из их рода, передай, что легендарное имя Цогто не исчезло из памяти халхов». Но сейчас душой Дзанабадзара полностью овладела Амина, чью статуэтку в образе божества он вылепил однажды в ночь на первый день белого месяца в маленькой комнатке Поталы, ставки Очирдара Далай-ламы. Статуэтка стояла на маленьком жертвенном столике. Дзанабадзар сидел, рассматривая ее. Он хотел подарить фигурку

святому учителю. Перед глазами отчетливо стоял красивый образ Амины. Пробудившаяся страсть привела в замешательство. Дзанабадзар закрыл глаза, стараясь прогнать грешную мысль. Это от того, подумал он, что вчера вечером у Галдана, провожая Старый год, переел мяса с вином. Дзанабадзар расслабился, прочитал про себя молитвенные стихи, успокоился, оделся и вышел на улицу. День обещал быть прекрасным. Бросив взгляд с крыши Поталы на расположенную внизу Лхасу, Дзанабадзар поднялся по тонкой деревянной лестнице, соединяющей этажи, на широкую каменную площадку, крышу здания. Отсюда можно было увидеть самые дальние очертания. Дворец Потала был сооружен на склоне невысокой горы Марпо-Ри²⁰, почти прикасаясь к ней. Посмотришь издали и это величественное, наводящее трепет строение кажется гнездом ласточки, слепленным на скале. Дзанабадзар поднялся на площадку с проросшим бурьяном между камнями и посмотрел в сторону Монголии. Небо в той стороне было прекрасно. Последний ведущий в Лхасу высокий перевал Гола, ближе от него череда голубоватых снежных вершин, ставших для Дзанабадзара синими горами стремления к Родине. Мысленно он перенесся через них. Перед ним раскинулась бескрайняя монгольская степь. О, Родина, ты священна! Монгольскую степь Дзанабадзар не променял бы ни на самый богатый дворец, ни на какую Страну Снегов, ни на какую другую волшебную страну. Он каждое утро поднимался сюда, смотрел в сторону родины и читал про себя молитвенные строки.

Мой отчий дом, скучаю по тебе.
Родная мама, нежною волной
Воспоминанья свет мне сердце наполняет.
В стране далекой ты всегда чужой.
Пусть будет мир и солнце всем сияет!²¹

²⁰ Марпо-Ри — название горы, с тиб.: 'Красный холм', на которой построен дворец Потала. Высота 3800 м.

²¹ Дословный перевод стихотворения: Белоснежные мои субурганы Эрдэнэ Зуу / Моя драгоценная, преисполненная заслугами матушка. / Когда с любовью вспоминаю, свет сердца озаряет / В чужой стране кажешься лишним. / Пусть воцарится мир!

¹⁹ Банди — послушник, ученик-лама.

Читая молитву, он краем глаза заметил двух внуков-тибетцев, телохранителей. Непонятно, действительно они немые или нет. Безмолвные, словно тени, ходят за ним по пятам. Неизвестно, когда появятся и куда исчезнут эти громадные телохранители с пращей и длинным до земли мечом. Год назад Дзанабадзар был впервые представлен Далай-ламе. Зашел разговор о том, оставить ли прибывшую с ним свиту, разместившись с ней отдельно от всех. Далай-лама сказал, что пусть Богдо гэгэн сам решает, разместиться со свитой или жить в Потале как простой послушник, принявший обет гелюнга²², уделяя больше внимания созерцанию и совершенствуясь в пути единственного учения. Дзанабадзар решил отправить свиту домой. Поэтому у него появились тибетские “тени”. А вот сын ойратского Хотогчина батара восьмилетний Галдан, приехавший учиться к Далай-ламе, как и положено настоящему ханскому сыну, оставил себе свиту - монгольских адъютантов и прислугу. Живет он в юрте на зеленом берегу реки Уй недалеко от Норвилонга, летней резиденции Далай-ламы. Галдана привез к Далай-ламе знаменитый ойратский Зая-Пандита Намхайджамцо с богатыми подарками: множеством шкур соболя и куницы, десятью тысячами лан золотых и многим другим. Дзанабадзар тоже приехал не пустой. Но ойраты не зря везли все это богатство. Они явно преследовали дальнюю выгоду. Позже он предположил, что Галдана делают ему соперником. Эта мысль не покидает его и сейчас. Ойратский Зая-Пандита несколько лет назад, разъезжая по Халхе, читал проповеди в Эрде-ни Дзу. Тогда он показал Дзанабадзару созданное им «ясное письмо». Глубокое уважение к Зая-Пандите вызвало у Дзанабадзара желание также изобрести собственное письмо. Дзанабадзар считал монголов ничем не хуже ойратов. Его сверлила мысль по примеру Зая-Пандиты создать оригинальный алфавит. После приезда Галдана, Дзанабадзара охватило предчувствие, что соперничество между халхами и ойратами однажды может привести к беде. Стоит вспомнить историю. Великий монголь-

ский хан Тогон-Тэмур бежал из Пекина. Сегодня держава Чингис-хана разрушена и развалена. Между халхами и ойратами раздоры стали чаще, чем перемирия. Хан-отец Гомбодордж и брат Чахундордж не благоволят ойратам. В год, когда Дзанабадзар получил титул Джавдзандамбы хутухты, к ним приехал Сэцэн-хан Шолой. Показав на колыбель, украшенную шелковыми лентами, серебряным колокольчиком, тремя железными обручами, сделанную им специально к рождению Дзанабадзара, сказал: “Три железных обруча символизируют единство трех халхаских ханов. Когда Вы, Августейший, станете предводителем не только трех монгольских аймаков, но и всей монгольской веры, поведете за собой народ, обратите их в веру, мы повесим эту колыбель у изголовья ойратов и заставим их молиться на нее.” Теперь у Дзанабадзара, который должен был вести за собой всех монголов, появился соперник - ойратский Богдо Галдан. Ойраты прислали его к Далай-ламе на два года позже Дзанабадзара. Но Галдан откровенно заявляет, что станет общемонгольским ханом. Десятилетний ребенок может сболтнуть, что угодно. Впрочем, Галдан необычайно умен. Может, так же, как и ему, Дзанабадзару, когда-то Сэцэн хан Шолой сказал «заставим молиться ойратов», отец Галдана или кто-то из нойонов сказал ему: «Сделав тебя Великим монгольским ханом, поставим Халху на колени». Любопытно, что Далай-лама любил и опекал Галдана, как собственное дитя. Строгий во время занятий с послушниками, он закрывал глаза на все, что бы ни делал Галдан. Возможно, он помнил заслуги ойратского Гуши-хана, спасшего Тибет от Цогто-хунтайджи. К тому же Гуши-хан ускорил работу по строительству Поталы. Именно его действенная помощь способствовала процветанию Поталы. В благодарность Далай-лама написал в честь Гуши-хана оду. По размышлению, будущее решение судьбы халхов и ойратов, а тем более Дзанабадзара и Галдана одним концом находится в Стране Снегов, во дворце Далай-ламы. Дзанабадзар постоянно думал об этом.

Как сильно не хватает запаха ветра бескрайней степи. В Лхасе или Тибете совсем другой запах. В Потале смешиваются семь волшеб-

²² Гелюнг — буддийский священник, лама.

ных запахов: кипариса, сандала, впитавшего в себя сырость каменной пыли, масла лампад, пыли ковров и шелков. Снаружи на площадке к ним примешиваются запах свежего ветра, тошнотворно кислый запах глины, запах нечистот животных и людей. Для тибетцев привычно справлять нужду в любом месте на глазах у людей. Поэтому для удобства они носят штаны с открытой, как у ребенка, промежностью. По окраинам Лхасы можно ходить только, заткнув нос и рот. В углу крыш городских зданий и дворца Поталы для справления нужды есть дырка. От нее по трубе, вдоль стены, сливаются нечистоты и текут вдоль улиц по сточным канавам. Дождь смывает многочисленные нечистоты. Но поскольку он нередок, земля и пыль в Лхасе очень грязные. Поэтому так трудно забыть запах степной полыни монгольских кочевий.

Дзанабадзар стоял, обдуваемый жестким ветром. На вершине черной северо-западной скалы сидели взлохмаченные грифы, поедающие трупы. Изредка, словно с трудом поднимая собственное тело, они тихо парили. На плато горы лхасские ламы выкидывают трупы. Несмотря на приличное расстояние, временами чувствуется трупный смрад. Дзанабадзар стоял, истомленный тибетским запахом, тоскуя по родным ароматам и еще не зная, что встречает свой последний в Лхасе Цаган сар. Солнце светило ярко, освещая всю Поталу. Когда Дзанабадзар спускался вниз по лестнице, к Красной ставке Далай-ламы, Побран Марбог, подъехал Галдан с четырьмя адъютантами. Внизу в западной стороне Поталы в конюшне оставляют лошадей. Галдан был верхом на красивом белом коне арабской крови, украшенном парчой и шелком. За пределами дворца Галдан всегда носит военную одежду. И даже под ламским одеянием обязательно держит маленький серебряный ножик. Галдан, подъехав к конюшне, спрыгнул с коня и издали крикнул звонким тонким голосом:

— Богдо, старший брат, приглашаю Вас в свою ставку. Я приехал встретиться с Вами.

— Смотри-ка, ехидничает, «приглашаю Вас в свою ставку» — подумал Дзанабадзар и улыбнулся:

— Я ждал встречи с младшим братом. Молился родине, прося послать нам хорошее пожелание.

Галдан по-детски обрадовался:

— Ну и как, послали хорошее пожелание?

— Послали, брат мой, — ответил Дзанабадзар и легким шагом вошел в «ставку».

Учебная комната Галдана находилась в Белом дворце, в восточном крыле дворца Улан. Сперва их поселили в соседних комнатах, но очень скоро по непонятной причине Галдана переселили. Войдя в комнату, Дзанабадзар первым делом спрятал фигурку Лхамо будды. Вошел Галдан, расстелил голубой хадак²³ и поклонился Дзанабадзару.

— Богдо, старший брат, здравствуйте! — поприветствовал он.

Дзанабадзар принял хадак и протянул Галдану дарственный хадак.

— Здравствуй, братишка, — ответил он и поцеловал Галдана поочередно в обе щеки. В это время дворцовые слуги, неотступно наблюдавшие их встречу, принесли из соседней комнаты изюм, сладости и другие вкусные блюда. Поставили чай в серебряном чайнике и балин²⁴ на серебряной тарелке с цветочными узорами.

Дзанабадзар налил чай в китайскую фарфоровую пиалу и подал Галдану. Галдан, приняв пиалу обеими руками, сделал глоток и живыми серыми глазами посмотрел поверх края чашки.

— Дзана²⁵, старший брат, что Вы от меня спрятали? — неожиданно спросил он. Дзанабадзар понял, что Галдан догадался, но решил схитрить.

— Что мне от Вас прятать? Даже если и захочу, от Вас ничего не утаишь, — засмеялся он. Галдан поставил чашку с чаем, отщипнул балина, положил в рот и скорчил гримасу.

— Дзана, старший брат, Ваши уши еще больше отвисли, — звонко засмеялся он. Видимо, в нем проснулось озорство. Дзанабадзар сделал спокойное лицо и бросил вроде бы сердитый взгляд.

²³ Хадак — монг.: хадаг, ритуальная узкая шелковая ткань для подношения.

²⁴ Балин — предмет жертвоприношения из муки, замешанной на воде с вином.

²⁵ Дзана — сокращенное имя от Дзанабадзар.

— Решил посмеяться над старшим братом? Говорят, у добродетельного человека уши большие. Если младшему брату интересно, я могу вылепить из муки его изображение. Пусть полюбуется на себя, — сказал он.

— Лучше вылепите мне маньчжурского сановника. Я пытался сделать сам, но у меня ничего не вышло. Хоть над вылепленным сановником поиздеваюсь, — еще более по-детски сказал он.

Это тронуло Дзанабадзара, и он ласково подумал: «Вот ведь, собирается стать Всемонгольским ханом, а еще совсем ребенок». Богдо-геген был среднего роста, широкоплеч, тонок в талии, руки и пальцы его изящны. Когда душа его пребывала в спокойствии, взгляд его больших глаз был тоже спокоен. У него была большая голова, и, действительно, чрезмерно отвислые уши. Словом, он имел внешность образованного человека. Галдан прекрасно понимал смену настроения Дзанабадзара, поэтому, заметив, что тот успокоился, голосом избалованного младшего брата спросил:

— Надеюсь, Вы сегодня отпразднуете Цаган сар со мной! Вместе отправимся к учителю. Прошлой ночью мне приснилось, что Вы сидите на перевале Гола и смотрите вдаль. Я подумал, не собираетесь ли Вы вернуться на родину. И что тогда будет со мной! Что будет со мной среди этих каменных стен! — Лицо мальчика погрустнело.

«Ох уж эта детская интуиция! Этот Галдан, кажется, необычайно прозорлив», — с восхищением подумал Дзанабадзар.

— Возможно, действительно, близится время моего возвращения на родину. Я приехал сюда четыре года назад. Пришло время распространять в Халхе буддийскую веру, — сказал Дзанабадзар.

Галдан, словно пытаясь понять, наклонил голову и задумался

— Как было бы хорошо, если бы Вы повели халхов, а я ойратов по пути добродетели! Зая-багши сказал, что я на будущий год буду главой веры ойратов. Говорят, он разговаривал об этом с Далай-ламой. Богдо старший брат, не случайно мы здесь встретились. Ведь правда?

Дзанабадзар с еще большим одобрением подумал о Галдане: «Ребенок, душа которого всегда находится в Монголии».

— Не случайно. По-моему, это знак распространения пути добродетели в Монголии. Ведь мой дорогой младший брат сделает это!

Галдан, стараясь скрыть охватившую его гордость, гримасничая, усердно принялся за еду.

Несмотря на то, что Дзанабадзар был старше Галдана на десять лет, он редко звал его на «ты». Но и на «Вы» обращался только, когда хотел показать холодность. Чаще всего называл его душевно — «младший брат». За эти два года Дзанабадзар и Галдан не могли не стать братьями. В Лхасу непрерывно шли потоки лам и паломников из Халхи и Джунгарии, но постоянно живущих монголов было мало. В Лхасу монголы приезжали, кто помолиться, кто поторговать. Но из-за нелюбви к оседлому образу жизни они, как только справлялись с делами, сразу же уезжали, несмотря на то, что тибетцы были с ними приветливы. Когда число прибывающих монголов резко увеличивалось в конце лета, начале осени и на Цаган сар, маньчжурский сановник и китайская армия в Лхасе были на чеку. Учения шли днем и ночью. Били в барабан, стреляли из ружей, демонстрируя могущество и силу. Вели разведку и докладывали тибетскому дисриду и Далай-ламе о том, сколько монголов прибыло и что они собой представляют. По сравнению с прошлым годом поток монголов уменьшился. В этот Цаган сар, кроме паломников из Халхи и Джунгарии, путешественников почти не было видно. Дзанабадзар и Галдан, пытаясь найти причину этому, прислушивались к слухам. Оказалось, что в прошлом году Бандир-тайджи из аймака Тушету-хана вместе с крепостными бежал из родной земли и стал подданным маньчжурского хана. Отсюда снова разгорелись ссоры и усилилось соперничество среди халхаских ханов, а также между халхами и ойратами. Ледяное дыхание политической жизни стало чувствоваться даже в Тибете. Но оба юноши не относили это к себе и по-прежнему жили как братья. Далай-лама прекрасно знал всю закулисную сторону, но не обсуждал это, делая вид, что ему безразлична

ситуация между халхами и ойратами. Дзанабадзар уже достиг того возраста, когда нужно было думать о духовном возрождении государства. Вместо того, чтобы прислушиваться к известиям с севера, он решил непременно узнать, как соизволит поступать Далай-лама. Он ждал удобного случая, чтобы начать разговор о том, какой представляется в будущем его религиозная жизнь Монголии. И сейчас, болтая с Галданом о том, о сем, он думал про себя: «Кто есть кто из нас? Если наши судьбы, действительно, связаны с распространением религии, то будем ли мы равны по положению, или кто-то будет выше, а кто-то ниже?» Эти мысли не выходили у него из головы. Но что бы ни случилось, мы будем жить в согласии, ведь мы — братья и ученики одного учителя. Стараясь отвлечься от подобных размышлений, он сказал:

— Вероятно, мне пора возвращаться на родину. Жду вестей. Думаю, будет хорошо, если на Большой монлам²⁶, начинающийся с третьего числа, мы, сидя рядом, вознесем молебен. Тогда не останется места даже последней тени в наших душах. Мы ведь преданы одному делу. Я молю судьбу, чтобы монгол с монголом жили дружно. И верю, что душа моего младшего брата не меньше моей преисполнена святости, — он словно заклиная, сложил ладони. Сейчас в нем говорил истинный Богдо Джавдзандамба. Галдан непроизвольно почувствовал это и с почтением сложив ладони, поклонился.

— Вы правы, брат. Вы ведь доложите об этом учителю. Я считаю высшим благом жить у ваших стоп, — сказал он и, отбросив гордыню, добавил:

— Вместе с учителем отпразднуем Цаган сар. Я приготовил Вам коня. Давайте поедем на встречу с Бэрвэнгийскими ламами! Хорошо?

Дзанабадзар с обычным видом сказал:

— Какой Вы молодец, что приготовили коня. В этих глиняных стенах Побран Марбог не мудрено забыть, что ты всадник-монгол, — засмеялся он.

— О, Дзана, старший брат, а что Вы подарите учителю? — спросил Галдан.

²⁶ Монлам — богослужение Монла бурхану, покровителю медицины и целительства в буддизме, обязательная во время празднования Цаган сара.

Дзанабадзар вынул из-под стола фигурку Лхамо будды.

— Вот, ночью вместо балина вылепил, — сказал он.

— А-а, понял! Это ее Вы спрятали от меня! — Галдан мгновенно оторвал голову Балданлхамы и положил в рот.

— О! Дзана, старший брат! Я — Далай лама, видящий тайное. Я сразу понял, что Вы что-то спрятали. Угадал? — запрыгал он от радости.

Дзанабадзару не оставалось ничего другого, как засмеяться. Он откусил голову коня и в руках у него осталась фигурка безголового божества на безглавом коне. Так весело смеялись два монгольских юноши — религиозный глава халхасцев Первый Богдо Джавдзандамба, называемый Ундур гегеном, девятнадцатилетний Дзанабадзар, и будущий глава четырех ойратов — десятилетний Галдан. И смех их эхом отдавался в холодных стенах дворца Поталы Очирдар Далай-ламы, главы буддийской веры.

Когда наступил час коня, Далай-лама начал церемонию приема. Настоятели, цорджи²⁷, ширэтуи²⁸ и высшие ламы Лхасы и других монастырей, шествовали по главной лестнице Поталы, над которой развевалось красно-желтое знамя. На сотнях ступенек широкой белокаменной лестницы расстелили пеструю желто-коричневую дорожку. На верхней площадке главной лестницы находятся двери, украшенные резьбой из кипариса и сандала. Они ведут в главный молитвенный зал, расположенный на главной террасе дворца. С северного края от ворот висит изображение Будды из красной парчи. На стенах и дверях развеваются хадаки и ленты различных цветов. Вдоль стены выстроились в ряд ламы в красных ламских одеяниях, а послушники в ярко-желтых шапках окуривают благовониями пространство перед высокими ламами. Из Большого зала раздаются звуки горна и флейты. Вокруг Поталы также благоухают благовония, перебивая неприятные запахи. Высокие ламы заняли положенные места на узких длинных скамьях,

²⁷ Цорджи — монг. *цорж*, духовная степень ламы в монастыре, одно из высших должностных лиц в буддийском монастыре.

²⁸ Ширэтуи — монг. *ширээт*, настоятель монастыря.

поставленных в ряд по обе стороны главного зала. Двери в зал открыты настежь. Отовсюду, из всех провинций съехались ламы и нойоны. Их одежда пестрит головными шариками, перьями павлина, накидками из шкуры барса. На конях красивые седла, бархатные и шелковые потники, серебряные и золотые шлеи и нагрудные ремни. Во главе с дисридом и ламами они поднимаются по лестнице и преподносят Далай-ламе ценные подарки, кланяются, принимают от него благословение. Маньчжурский сановник, держа секиру, окруженный воинами, бьющими в барабан, едет в паланкине, который несут рикши в желтых рубашках и желтых штанах. Все это выглядело очень величественно. Из перешептывания лам стало известно, что амбань²⁹ по поручению императора преподнес Далай-ламе золотую ваджру, соболью шапку, отделанные жемчугом сапоги и много чего еще. Дзанабадзар и Галдан в верхней части западного крыла главной террасы, вместе с несколькими другими послушниками смотрели с нескрываемым интересом. Они должны были преподнести золотой и серебряный скипетр, а также аюши-хадак³⁰. В молодости Далай-лама жил рядом с Лувсанбалжиром лхарамбой, обучавшим его монгольскому языку. Далай-лама и Панчен-лама установили традицию в Новый год преподносить друг другу золотые и серебряные игральные кости³¹. Тибетские верхи считали это редким монгольским обычаем.

Галдан безуспешно пытался угадать, зачем Дзанабадзар хотел подарить учителю будду из теста. Он недоумевал и полагал, что Дзана хотел похвастаться своим мастерством. Но Дза-

набадзар и без этого имел славу ваятеля будд, поставленных даже в лхасском Их Дзу. Наверняка, есть какая-то причина того, что он хотел подарить именно этого будду из теста. «Чью же голову я съел?» — задался он вопросом, но тут раздались звуки горна и флейт, стало интересно, и он отвлекся. Дзанабадзар думал: «Учитель, увидев изображение Амины, обязательно что-нибудь сказал бы. Но Галдан оторвал голову и съел. Кто мог подумать, что такое случится. Вот негодник! Вообще, в Потале все всё замечают. Если Галдан не понял, то поймет одна из моих “теней” и обязательно расскажет. Ойраты особо внимательно следят за мной. Они уже давно платят тибетцам за услуги. Этот проказник не проговаривается. Если бы учитель увидел изображение Амины, что бы он сказал? Сейчас способ изображения бурханов устарел. Учитель говорил, что сейчас лучше изображать бурханов в человеческом облике. Когда под руководством дисрида увозили изображение Миларайбы из Их Дзу, учитель сказал, что человек, который обрел рождение будды, равен будде. Однажды Дзанабадзар начал рисовать портрет Зеленой Тары. Ее спина и осанка получились чувственными. Далай-лама подметил это. А если бы увидел изображение Амины, тоже сразу бы заметил ее женственную осанку?» В это время подбежал лама-надзиратель, держа сандаловый посох.

— Богдо Джавдзандамба и Галдан ширэтууй, соизвольте пожаловать!

На хурале Галдана сажают на место ширэтууй, поэтому во время церемонии его называют ширэтуем. Дзана и Галдан через сандаловую дверь вошли в тронный зал Далай-ламы. Свет падал сверху через небольшое решетчатое окно. Множество лампад тускло освещали колонны с золотыми драконами. В восточной части на хойморе³² восседал Далай-лама. Он сидел на сандаловом кресле, украшенном художественной резьбой и множеством толстых подстилок. Он сидел чуть поодаль от золотого хорло — спинки львиного трона. Одетый с головы до ног в парчу с золотым позументам,

²⁹ Амбань — монг. *амбан*, титул высших провинциальных китайских чиновников, по функциям близкий к губернатору, с большими полномочиями. В Тибете представлял власть династии Цин над буддийской теократией Тибета и командовал более чем 2000 войсками, дислоцированными в Лхасе.

³⁰ Аюши-хадак — монг. *аюуш-хадаг*, хадак голубого цвета, который ассоциируется с небом и водной синью и символизирует вечность и бесконечность, с вытканными буддийскими символами, ликом Аюши (монг. *Аюуш бурхан*. Он же — Амиабхи), покровителя долголетия и безграничной жизни.

³¹ Игральные кости — пяточные кости овец и коз, или астрагалы. Использовались в гаданиях, широко распространенных в тибетском буддизме.

³² Хоймор — парадная часть традиционного монгольского жилища, в которой находятся реликвии и предметы ритуала.

он сверкал, как настоящее солнце. У подножья львиного трона был расстелен желто-пестрый ковер. По обе стороны от колонн сидели настоятели и ширэтуи, читая молитву на разные голоса. Дзанабадзар и Галдан прошли и поклонились стопам будд у алтаря. Они преподнесли Далай-ламе золотые и серебряные игральные костил вместе с хадаком. Далай-лама Агванлуvsанджамц улыбнулся умными глазами, принял хадак и передал его назад. Ему было около пятидесяти лет. Смуглый сухощавый тибетец.

— Поприветствуем Богдо Джавдзандамбу и Галдан ширэтуя, — изрек он. Послушники поклонились.

— Почтительно поприветствуем учителя Эрдэм Мергена, — ответили Дзанабадзар и Галдан и сели на ковер. Служанки преподнесли чай в деревянных чашках и балин на серебряном блюде. Дзанабадзар и Галдан пригубили всего понемногу.

Далай-лама на этот раз сказал по-монгольски:

— Оба моих ученика, наверняка, будут праздновать по родному обычаю. Завтра после вечерней молитвы, надеюсь, Богдо Джавдзандамба соизволит прийти в Малый Лаврин.

Дзанабадзар поднялся и сказал:

— Да, учитель.

Галдан тут же вскочил, не сумев скрыть ревность.

— Учитель! А я? — спросил он.

Далай-лама улыбнулся.

— Галдан послушник, у нас с Вами будет время побеседовать. Надо сообщить Богдо известию из далека.

Дзанабадзар едва сдержался, чтобы не спросить, что это за сообщение. Вместе с Галданом, кланяясь и пятясь, они вышли из дворца. Солнце первого дня Нового года уже давно освещало белые, покрытые снегом вершины гор. Дул теплый ветер. Лхасцы принарядились, надев разноцветные шелковые и парчовые одежды. Каждого встречного они приветствовали, высовывая язык и раскинув руки. В каждом доме гостя угощают цампой³³, балином из муки, замешенной с маслом, и ячменным самогоном.

Полногубые, большеглазые стройные смуглые девушки принарядились. Они надели ермолки с кораллами и жемчугами, железные и деревянные украшения для кос, украсили кораллами и бирюзой черные, смазанные маслом, волосы. Косы они удлинляли ячьей шерстью, и они достигали земли. Конец тесьмы завязывался серебряной тесьмой или шелковой бахромой. Стройные смуглые девушки бегали стайками, смеялись, танцевали под звуки бубнов и домбры. По обычной женской привычке кокетничали с монастырскими послушниками. Две трети лхасских мужчин — ламы и хуваки³⁴. Они снуют, пестрея красным и желтым, прячутся за углами зданий и заборов, чтобы встретиться с девушками. Но не легко скрыться от неусыпных глаз наместников и бесчисленных монастырских и храмовых дисридовских надзирателей.

Вообще, в Ло сар³⁵, первый день нового года и в течении двадцати дней, когда собирается и заканчивается Большой и Малый монлам, Лхаса погружается в празднество. Повсюду съезжаются тысячи приезжих. На улицах люди спят в палатках и даже под открытым небом. Торгуют, меняются. Народу масса. На центральном рынке Жудийского храма, храмов Дзу и лхасского центра, на южной площади Дворца Поталы китайцы торгуют благовониями и сладостями. Непальские мастера предлагают изделия с красивой тонкой резьбой из серебра и латуни, разнообразную посуду, ведра. Обернув головы белой или красной чалмой, кашмирские мусульмане продают дивные воздушные шелка. Китайцы слащаво подобострастны. Непальцы шумны. Кашмирские купцы угрюмы и высокомерны. Но тибетцы, благодаря своему шустрому характеру, не обращают внимания ни на своих, ни на чужих. Они торгуются, кричат, стремясь снизить цену — настоящие черти. В эти дни восходит солнце десятков тысяч лхасских нищих. Вообще тибетцы, попрошайничество не считают чем-то плохим. Богатые и обеспеченные, помня о добродетели, должны

³⁴ Хуварак — студент, послушник буддийского монастыря, ученик ламы.

³⁵ Ло сар — Лосар, тибетский Новый год.

³³ Цамба — поджаренная ячменная мука.

подавать милостыню. Им приходится нелегко, так как нищие не просят, а требуют милостыню. Они тянут руки, окружают, мешают проходу. Особенно нагло действуют инвалиды и искалеченные пытками за разбой и грабежи. Они охотятся целенаправленно, улучая момент, отменяют толпой или застают человека врасплох. После того как Дзанабадзар и Галдан поздравили учителя с Новым годом, они отправились в Бэрэвэн. В дворцовую конюшню привели оседланного серого коня, послушного, но с горделивой походкой. По дороге к Бэрэвэн Дзана и Галдан перебрались через реку Уй. Дзанабадзар радовался, ощущая себя потомком монгольских всадников. Перестали мелькать перед глазами тибетские “тени”. Ему было легко, будто он хоть на время освободился от какой-то тяжести. Дзанабадзар рысью скакал по краю быстрой реки, и ему казалось, что он мчится навстречу ласковому ветру по голубой долине Орхона. Только сейчас он понял, как сильно тосковал по родному краю. Он радовался, что рядом Галдан. Галдан в развевающейся голубой накидке, цвета неба, выглядел великолепно. Белоснежный скакун арабской крови, изгибая стройную шею, вскидывал голову. Это было замечательное зрелище. Дзанабадзар смотрел и думал: “Этот мальчик, избалованный и взбалмошный, станет Всемонгольским ханом. Кто знает, каким будет его будущее. Чингис-хан уже в десять лет поставил ногу в стремя войны. Сейчас времена другие. Судьба Монголии не только в наших руках. Ее решают здесь в Лхасе и в императорском дворце Пекина.” Его мысли прервал Галдан:

— Богдо, старший брат!, говорят, коня, на котором Вы сейчас сидите верхом, хотят включить в число девяти белых подарков маньчжурскому хану.

Это были очень ехидные слова. Еще несколько лет назад по предложению отца Гомбодорджа и Сэцэн-хана Шолоя было решено преподнести маньчжурскому хану на Цаган сар восемь мышастых коней и одного белого верблюда в знак мира с соседями и установления дружественных отношений между государствами. Однако это послужило причиной домыслов среди народов Алтая и союза Четы-

рех Ойратов³⁶. Они восприняли такой шаг, как доказательство предательства халхаских нойонов. И Галдан, намеренно или нет, имел ввиду это же. Вообще, Галдан, как любой проницательный человек, любил над всем и по любому поводу подшутить и съязвить. Дзанабадзар пропустил мимо ушей его слова.

— Далай-лама велел мне послезавтра явиться. За этим что-то кроется. В любом случае пришло время отправляться на родину, — сказал Дзанабадзар.

Галдан задумался на некоторое время.

— Дзана, старший брат. По-моему, Вы уже зрелый человек. Тому, кто носит титул Богдо Джавдзандамбы, не пристало сидеть в этих тибетских краях. Но как будет, не знаю, — Галдан вздохнул и поскакал, устремив взгляд на дальние вершины снежных гор.

В полдень первого дня Нового года в Лхасе устраивают игрища. Участвуют в них основном городские парни и торговцы. Низших лам не допускают, остерегаясь их связей с женщинами. На площадке перед Поталой собрались тысячи людей, подогретых ячменной самогонкой. Мужчины, женщины, дети чиркают огнем, искрящимся красным и синим цветом, водят вокруг костров хороводы, поют, танцуют. Девушки легкого поведения охотятся за приличными парнями, а молодые ламы-желтошапочники, принявшие обет безбрачия, в окружение этих женщин поддаются искушению, забыв про обет. В этом празднике Далай-лама самолично позволил участвовать всем дворцовым — и низшим, и высшим. Обычно он строго следит за соблюдением порядка. Лишь иногда дает волю своей поэтической душе. Однако, люди не препятствуют проникновению в буддийские законы нового, например, чувственности. Дзанабадзар, Галдан и несколько дворцовых послушников вышли на площадь перед Поталой и стали бродить, наблюдая за праздником. День они провели во встречах и поздравлениях с Новым годом Бэрвэнгийских лам. Они уже порядком устали, но юношеская любознательность помешала им отказаться от

³⁶ Союз Четырех Ойратов — конфедерация ойратских этнополитических объединений, предшествовавшая созданию в 1635 году Джунгарского ханства.

участия в празднике, который случался один раз в два года. Рядом находились адъютанты Галдана и “тени” Дзанабадзара, поэтому им нечего было бояться. В первый день Цаган сара верховным ламам предписано давать подавания неимущему люду, поэтому вся их разменная монета уходила быстро. Хотя нищие хорошо знают об этом, однако предпочитают просить у простых щедрых людей, чем тянуть руку за непредсказуемой монетой высших лам. Толпа нищих редко окружает их. Дзанабадзар и Галдан вышли на площадку перед храмом Дзу. От группы изувеченных нищих отделился огромный страшный взъерошенный человек. Одна рука у него была обрублена, один глаз слеп. Свет костра отражался в его единственном глазу. Разинув красный беззубый рот, он орал:

— Эй, монгольские богды, смотрите на меня! В прошлой жизни я был дьяволом. Я красный дух Утайа³⁷! Смотрите! Я раскрою ваши будущие судьбы. Вы забудете свою Монголию. Будете пить мочу тибетского Далай-ламы. Вы две марионетки с монгольской кожей и тибетским мясом. Вы лишились добродетели! Вы возвращаетесь с грузом тибетского греха! Слышали! Этот грех вы унесете в Монголию и откроете дорогу крови и страдания. Вы... О, напрасно погибшие два юноши! О... — Пока он кричал по-монгольски, адъютанты Галдана и стража Дзанабадзара подскочили к нему, надавали тумачков, оттащили в темноту и бросили. Испуганный Галдан глазами полными ужаса смотрел на Дзанабадзара.

— Богдо, старший брат, что сказал этот человек?! Какие страшные вещи он говорил! — произнес он дрожащим голосом.

Дзанабадзар равнодушно, глядя на костер, ответил:

— Брат мой, сумасшедший человек нес всякий вздор.

Однако это происшествие разбило радость двух наших героев. Галдан так и не смог успокоиться. Чуть не плача, он ускакал к себе. Дзанабадзар медленно поднялся по лестнице Поталы. Подавленный размышлениями, с

опущенной головой он вошел в свою комнату. Выпил немного горячего чая, поел цампу и лег спать. Но сон не шел. Он встал, разложил сутру, но перед глазами продолжал стоять образ злого калеки, и в ушах звучали слова проклятья. Навяждение не покидало его. Дзанабадзар отложил сутру, зажег лампаду перед изображением Гамбогура, гения-хранителя Абтай Сайн-хана, и лег, продолжая размышлять: “С монгольской кожей, тибетским мясом”, такое проклятие сказал он. Нескончаемо число потерянных заблудших страдальцев, затаивших злость. И всё это из-за раздоров и междоусобиц между аймаками, из-за того, что ссорятся братья, протягивая дорогу крови. Единственное спасение — всюду распространить буддийскую веру, усмирить беснующихся, изгнать черные и грешные мысли. Ради этого много лет живу у Далай-ламы. Постиг буддийское учение. Сейчас мне есть, что сказать людям, да и науку я изучил. Пожалуй, нужно возвращаться. Приехав на родину, построю новый храм. Пусть не такой великолепный, как Лхасский, но не хуже Угтай Гумбума. Халхасцам это по силам. Средства есть. Нужно только избавить народ от бедствий и несчастий войны, устроить мирную и спокойную жизнь. Надо помочь людям обрести мир, открыть для них путь добродетели. Тогда появится множество храмов, тысячи паломников, обильные жертвоприношения. В Халхе наступит новое время. О, будда, дай мне ума и силы повести за собой десятки тысяч людей. О другом я не думаю.

Может, Далай-лама или маньчжурский хан ради распространения буддийской веры будут проповедовать учение о мире, порицая людские грехи, выявляя корни вражды. Таким образом, проповедь религии станет выше всего. Если уж нам выпала судьба умиротворения, укрепления закона нового времени, успокоения людей, то у нас нет другого выхода, кроме как придерживаться твердости ради достижения задуманного, преодолевая любые страдания и беды. Нужно избавиться от единственного бедствия — нехватки ума. Тогда придет и все остальное. “Если правильно понимать ситуацию, не ошибешься,” — говорил хан-отец. И это так. Но могу ли я оценить положение дел. В

³⁷ Дух Утайа — дух горы Утайши, имеющей пять вершин, в Китае, места, посвященного будде Манджушри.

действительности, я ориентируюсь по слухам. Когда весной прошлого года змеи Далай-лама приехал на аудиенцию к маньчжурскому хану, хан сказал ему, что теперь по соизволению Великого императора тибетцы, китайцы и монголы должны жить в согласии. Наступило время счастья и благоденствия. Если это правда, буддийская вера будет беспрепятственно укрепляться. Но почему опять возникла причина раздоров между халхами и ойратами? Почему даже Тушету-хан игнорирует повеление императора? Может, император просто говорит красивые слова, а на деле бросает между нами кость? Может и Далай-лама здесь относится к нам с Галданом равно, а там бросает кость между халхами и ойратами? Он учит: “Невозможно заранее предугадать развитие государственных и религиозных событий. Земные деяния и деяния божественные — разные вещи”. Что значат эти слова? Может быть, он говорит их, что бы заранее оправдать будущие поступки? Тот сумасшедший монгол произнес ужасное проклятье. О, Будда! Если бы рядом была матушка. Амина... Спокойна ли их жизнь? В этом тоже одна из причин моей спешки на родину. Неспроста мне снится Тара, Амина, мама. По возвращении в Эрдэнэ Дзу, обязательно отолью красивую статую Тары. Я научился у непальских мастеров отливать бронзовые фигуры. Буду ваять красивых будд. Суметь бы передать изящную поступь Амины, линию ее ног и ягодич, упругую талию! Может получится красивое изображение. Невозможно забыть, как она, грациозно покачиваясь, держалась в седле, когда вместе с отцом выехала меня провожать. Надо найти возможность заехать на пути домой к Сунгэр-элу тайджию и повидаться с Аминой. Впрочем, только что-то исключительное может помешать заехать к ним. Галдан съел голову Амины. Пусть никогда не случится такой беды, чтобы халхи и ойраты ели головы друг друга. Кто знает, какими будут наши отношения с Галданом? О, будда, смилуйся!»

Богдо геген заснул только после полуночи. На третий день нового года в городе чистили улицы и площади, готовясь к Большому монламу. Многие тысячи лам с утра приехали из храмов и окрестностей Лхасы, чтобы принять участие в

новогоднем хурале. Их красно-желтые одежды были символами того, что именно они являются хозяевами страны буддийского учения. В эти дни Лхаса — муравейник красных муравьев. В это время шавдагма³⁸ Бэрвэнгийского храма и церемониймейстер хурала, каждый с четырьмя ламами объезжали на конях по направлению солнца Поталу вместе с краснотельными гиегами³⁹, несущими на плечах железные и деревянные палки с развевающимися хадаками. Народ шумел, выстроившись стеной, а стражники, оцепляющие шествие, размахивая дубинками, кричали: “Посторонитесь! Отойдите!” Но крик их был абсолютно бесполезен. Дзанабадзар полдня провел за сутрой. Когда начался круговой объезд, он вышел освежиться и долго стоял на лестнице Поталы. В Тибете с началом Ло сар наступает оттепель, и греет солнце. Дзанабадзар встретил в Лхасе четыре весны. Времени скучать у него не было — он был полностью погружен в занятия. Но без этих шумных суматошных дней Нового года, время, проведенное им в Тибете, показалось бы слишком монотонным и однообразным. Может, этот Ло сар последний, что он проведет здесь. Человек не властен над временем. Время ведет его за собой. Лхаса, несомненно, святая страна молитв, место распространения религии, а Далай-лама — хранитель религии, перерожденец Очирдара. Конечно, на всю жизнь запомнятся Большой монлам, собирающий около двух десятков тысяч лам, город Лхаса, дворец Потала, учитель Далай-лама. Далай-лама — необычайно талантливый человек, образованный и мудрый учитель, поэт. Ему хочется верить и поклоняться. Разве возможно забыть его? Я вернусь на родину, но часть моей души останется в Потале. Я буду искать случая вновь вернуться сюда. И никогда не забуду дорогу, на которой однажды с вершины перевала Гола смотрел на Лхасские золотые ганджуры⁴⁰. Я обязательно вернусь сюда. Дзанабадзар, охваченный благоговением, продолжал стоять на лестнице Поталы. Как всегда, вечерняя молитва учеников Далай-ламы началась после заката солнца в малом зале дворца Улан.

³⁸ Шавдагма — духовная степень ламы.

³⁹ Гиег — лама-надзиратель.

⁴⁰ Ганджуры — золотые украшения на крышах храма.

На этом молебне старик лама Лувсанбалжир ширэтуй из Их Дзу объявил порядок участия учеников Далай-ламы в Монламе. По установленному порядку, места Богдо Джавдзандамбы и Галдан ширэтуя будут на одном уровне. Раньше место Галдана находилось порядком ниже. Услышав о перемене, Галдан не смог скрыть своей радости. Дзанабадзар особо не задумывался над случившимся, но про себя подумал: “У монголов пока один Богдо.” Он вышел из молебенного зала через пустую маленькую комнатку, которая находилась по-соседству. Она с высокими узкими дверями и сандаловыми стенами. У дверей были расстелены ковровые подстилки для лам-охранников. Людей, входящих в лаврин Далай-ламы было немного, о них охранники знали заранее, поэтому, сложив ладони, они беспрепятственно пропустили вошедших. После вечерней молитвы Дзанабадзар сразу пришел в лаврин Далай-ламы. Учитель спокойно сидел за сандаловым столом на тюфяке, обтянутом телячьей шкурой, и что-то писал или рисовал кистью. Далай-лама был в желтой шелковой сорочке без воротника. Поверх сорочки — жилет из коричневого сукна с серебряными пуговицами. На голове шапка с непальским верхом. В этом простом одеянии он выглядел менее величественно, чем в ритуальной одежде, делавшей его похожим на сияющее солнце. Но сейчас он вызывал гораздо большее благоговение у Дзанабадзара. Почему? Дзанабадзар подумал: “В Монголии я тоже Богдо.” А в обычной одежде Далай-лама глубоко почитаемый и мудрый учитель. Дзанабадзар вошел и встал на колени. Далай-лама отложил кисть и бумагу, приложил к его лбу теплый кончик пальца и по-монгольски спросил:

— Богдо, хорошо ли отпраздновали Новый год?

По-монгольски он говорил чисто и без ошибок. Но это был книжный язык. Из разговорного он знал лишь несколько приветственных слов. Дзанабадзар опустился на колени на толстом ковре, расстеленном в лаврине.

— Хорошо отпраздновал. Как здравствуете Вы? — ответил он как положено монголу. У Далай-ламы было узкое продолговатое лицо, широкий чистый лоб, черные слегка раскосые

глаза. Это были глаза умного человека. Совершенно очевидно, что ум помогал ему скрыть во взгляде его истинную человеческую сущность. Он как будто распространял свет милосердия на низшие существа и все живое. Дзанабадзар наблюдал за Далай-ламой и думал, что, действительно, трудно найти другого человека, преисполненного такой святости и благодетели. Далай-лама немногословен. “В малое количество слов должен быть вложен глубокий смысл.” — учил он. Далай-лама посмотрел на Дзанабадзара излучающим милосердие взглядом, улыбнулся и сказал:

— По-моему, среди многочисленных образованных учеников, кроме Вас, Джавдзандамба хутухта, нет другого, кто мог бы принять на себя главенство. Дорога к знаниям — бесконечна, время жизни ограничено. Сейчас возвращайтесь в Монголию. Я считаю, что наступило время свершения чистых деяний и распространения буддийской веры, и решил сообщить Вам об этом. В прошлом году, когда я был на аудиенции у императора, он сказал, что Вам лучше жить в Монголии, чем в Лхасе, лично обеспечивая спокойствие религии и влияя на идеологию народа. Я думаю так же и все более упрочиваюсь в этом мнении. Но не буду надоедать Вам повторением. Пожалуйста, готовьтесь к отъезду домой. Я решил отправить с Вами сорок хороших гелюнгов, известных мудростью и учением. Они помогут построить храмы и кумирни. Остальное делайте по своему усмотрению.

— Что Вам еще необходимо? — спросил Далай-лама, помолчав. Дзанабадзар, привычно воздерживавшийся от споров с учителем, выждал время, смело посмотрел на него и тихо сказал:

— Я понял сказанное учителем. Я, наделенный ничтожными способностями, помню о Ваших бесконечных заслугах и нахожусь на вершине радости, слыша Ваши добрые слова. Сделаю все, как Вы желаете. Буду готовиться к возвращению домой. Откровенно говоря, и днем, и ночью все мои помыслы устремлены к северной стороне. Я, халхаский Богдо Джавдзандамба, согласен с Вами, что нельзя упускать время. Завтра посетю лхасский монлам и нач-

ну готовиться к отъезду. К двадцатым числам месяца Ло буду готов. — Сказав это, Дзанабадзар засомневался: “Не поторопился ли я?”

— Бэрвэнгийский ширэтуй поставил Вас в известность об уставе монлама? — спросил Далай-лама.

— Да, я слышал. Он сказал, что Галдан и я будем сидеть на одном уровне. — При этом Дзанабадзар не показал ни удивления, ни осуждения.

— Император уведомил о присвоении Галдану титула религиозного главы Четырех ойратов. Но еще есть время подумать, — сказал Далай-лама.

— Учитель, осмелюсь спросить у Вас. Дела веры Шакьямуни решаются во дворце императора, или во дворце Очирдара Далай-ламы? — произнес Дзанабадзар и покраснел. Но Далай-ламу несколько не обескуражил этот вопрос. Его мудрые глаза прищурились.

— Я только передал слова Великого императора. Нет религии, которую не поддерживало бы государство, и нет государства, которое не поддерживала бы религия. Монголы говорят: «Все в свое время». И я, и вы с Галданом действуем во имя великой победоносной всемогущей религии. Если что изменится, значит, так и должно быть. Тогда и цель государства можно обратить в желаемом направлении.

Дзанабадзар слушал эти слова учителя и вновь в нем пробудилась беспокойная мысль: “Где же находятся бразды правления Монголией?”

— Мудрейший учитель, поклоняюсь Вашей вере. Я, потомок халхаского хана, размышляю над Вашими словами и никак не могу понять, почему ойраты, имея общую с нами веру, должны иметь отдельного главу?

Далай-лама опять не смутился:

— Разве не стремлением соединить халхов и ойратов силой религии, а не силой государства, сделал я вас с Галданом своими учениками? Я думаю так. Если бы думал не о примирении, а о раздоре, то держал бы вас подальше друг от друга. Не так ли? — сказал Далай-лама и снова прикоснулся рукой ко лбу Дзанабадзара.

— Я непоколебимо верю, что будут велики впредь Ваши, Богдо Джавдзандамба, добродетели и заслуги по распространению желтой

веры, начавшейся с Абутай-хана. Ради этого я сделаю все, что смогу. Над нами есть небо. Наступили времена, когда приказ императора — приказ неба, — сказал он, выражая этими словами, понятную любому мысль, что “наша сила слаба”. Он вынул из ящика стола что-то круглое размером с человеческую голову, повязанную желтым креповым хадаком, и взял в обе руки. Ундур-геген принял дар с почтением, но с некоторым колебанием, не зная, что это. Далай-лама улыбнулся.

— Я преподнес Вам драгоценный череп принца Даранатхи Гунганямбу. Долго хранил. Возвращаю его хозяину — Вы ведь перерожденец Даранатхи.

Хотя для Ундур-гегена это не было большой неожиданностью, он подумал: “Я — монгольский Богдо, а являюсь перерожденцем тибетского Даранатхи. Это неспроста.” Приложив череп ко лбу и, взяв благословение, встал.

Дзанабадзар вышел от учителя погруженным в размышления. “Над Богдо — Далай-лама, над Далай-ламой — маньчжурский хан, над маньчжурским ханом — Будда, над Буддой... Раз мы слабы, значит будем сидеть и смотреть в чужую сторону? Не получится стереть с лица земли имя и могущество Монголии. Меня возвращают по велению свыше. Но все взаимосвязано. Все делается с дальним прицелом. Мы тоже должны быть дальновидны. Но что я должен предвидеть? Ведь я даже не знаю, что происходит в Халхе. Надо быстрее готовить караван к возвращению. Посланник Далай-ламы в сопровождении сорока лхасских гелюнгов пожалует, как положено Богдо, в Эрдэни Дзу.” Дзанабадзар шел, глядя сверху на Лхасу и суетящихся красных муравьев.

Вечером пятнадцатого дня Цаган сара или месяца Ло Дзанабадзар и Галдан после захода солнца подошли к дверям палатки Их Дзу, для того, чтобы принять участие в Чунгай чобда. Южная горная страна с заходом солнца сразу погружается во тьму. В первое время Дзанабадзар никак не мог привыкнуть к этому. В просторной орхонской долине есть прекрасная вечерняя пора, когда после захода солнца угасающий свет медленно поднимается вверх, затуманивая небосвод. Галдан был горцем,

он легче Дзанабадзара привык к Тибету. Дзанабадзар решил отправиться в дорогу домой на четвертый день после этого вечера, когда он в последний раз участвовал в Чунгай чодба — одном из самых интересных и красивых обрядов Ло сар. Сердце Дзанабадзара сильно билось. Другой причиной волнения была поставленная у самого главного входа сделанная им чодба. Вокруг джудийского храма и двух храмов дзу были выставлены работы известных лам — художников главных лхасских дацанов. Они выполнены краской, смешанной с маслом на полотне из натянутой ячьей кожи, растянутой на деревянной раме. К ним прибили деревянный стержень и воткнули среди камней, повернув лицевой стороной к внутренней части круговой храмовой дороги. Перед ними поставили столики со множеством лампадок. До начала показа, чодбы накрыты покрывалами, их снимают только в положенное время. Одновременно с этим зажигаются многочисленные лампы. Первыми просматривают чодба верховные ламы во главе с Далай-ламой и маньчжурские сановники. В последнюю очередь — простой любопытствующий народ. От тепла многочисленных лампад масляная краска вскоре начинает таять и течь, поэтому жизнь чодба коротка. Это еще больше подогревает любопытство народа. Идет состязание произведений, выполненных наиболее мастерски, и особенно красивых при свете лампад. В этот соревновании каждый храм и дацан старается удивить своими творениями. В этом чунгай чодба Дзанабадзар участвовал как художник дворца Поталы Далай-ламы. Последние две ночи он создавал свое произведение. Галдан не отходил от него. Приближался день отъезда Дзанабадзара, и Галдан, по сути еще ребенок, старался все время находиться вместе с ним. Картины расставили сегодня утром и поставили солдат охранять их. С заходом солнца любопытная толпа встала стеной по внешней стороне дороги. Дзанабадзар с Галданом находились рядом со своей картиной и ждали прибытия Далай-ламы. По поручению художников служащие хурала снимали с каждого чодба покрывала и зажигали лампы. Галдан не выдержал:

— Вот это да! Намхай гэвш совсем как живой! А это точно наместник Бэвэнгийского монастыря! — радостно воскликнул он.

Дзанабадзар улыбнулся:

— Не смог сделать всех семерых гелюнгов похожими.

— Только слепой не узнает их. Это семь тибетских гелюнгов, которые несут Зеленую тару из Барун Дзу в Эрдэни Дзу. Ха-ха. Семь тибетцев посадили на голову монгольскую женщину. Ха-ха.

— Учитель соизволил прибыть, — сказал Дзанабадзар. Галдан перестал смеяться и встал, придав лицу спокойное выражение. Далай-лама шествовал в золотом паланкине. Дворцовые стражники с дубинками с криком: “Разойдись! Разойдись!” пролагали дорогу в толпе. Когда одновременно зажгли многочисленные лампы, их пламя задрожало и засверкало, освещая в тишине вечера все вокруг. Светящиеся разноцветные картины, нарисованные на полотне из ячьей шкуры, выглядели сказочно красивыми. Далай-лама вышел из паланкина и подошел к картине Ундур-гегена. Вместе с ним приблизились верховные ламы. Дзанабадзар встал перед своей картиной и поклонился Далай-ламе.

— Соболаговолите посмотреть, учитель? Мой Великий предок Очир Абутай сайн-хан в давние времена пригласил Гамбогур Будду из Барун Дзу в Эрдэни Дзу. Я, ничтожный, хотел запечатлеть радость возвращения домой в сопровождении по вашему соизволению сорока гелюнгов, направляющих в сторону нашей Халхи Зеленую Тару. По поручению службы Поталы я участвую в чунгай чодба, — странно объяснил он.

Далай-лама, склонив голову, заинтересовано рассматривал картину. Произведение Дзанабадзара было выполнено необычайно искусно и красочно. На ней были мастерски изображены известные в Лхасе гелюнгы, а Зеленая Тара представлена в образе красивой девушки с монгольскими чертами лица. В свете лампад, изображение четко высвечивалось и сверкало. Далай-лама то приближался, то отодвигался от картины.

— Намхай гавджи⁴¹ и Дашбалдан цорджи идут впереди. Нет большей добродетели для семи гелюнгов, как преодолеть огромное расстояние, приглашая Тару, — засмеялся он.

Верховные ламы тоже засмеялись. Среди них выделялся громкий детский смех Галдана. Дзанабадзар обрадовался, что узнали в лицо нарисованных им известных лам. “Если ламы, сопровождающие меня, успеют хорошо рассмотреть картину, то узнают Амину,” — подумал он. Сделанная из муки Амина, голову которой съел Галдан, сейчас вновь ожила на полотне из ячьей шкуры, радуя глаз зрителя. От яркого света лампад она, словно плача, тихо таяла и растекалась по полотну.

Через трое суток после этого, прохладным утром, когда на вершины гор падал снег, караван Ундур-гегена Дзанабадзара двинулся из Лхасы в сторону Монголии. Длинная вереница каравана, нагруженные быки, сорок лам на конях и вооруженная свита охранников двинулись на северо-восток. Перед Поталой Дзанабадзар совершил обряд расставания с учителем. Лхасские верховные ламы, ученики-хувараки, регенты, придворные нойоны, чиновники, представители маньчжурского императора и множество людей собрались на площади дворца Улан. Далай-лама вышел через коричневое резное здание, где совершался молебен. Дзанабадзар, подойдя ближе, низко поклонился. Далай-лама, устремив вдаль неизменно спокойный взгляд, протянул руку из-под широкого с желтыми полосами одеяния к голове Дзанабадзара и, благословляя, трижды прикоснулся золотой ваджрой⁴². Он громко, так, чтобы все слышали, сказал:

— Халхаский Богдо Джавдзан Дамба хутухта, носитель буддийской веры, перерожден-

нец принца Даранатхи, пусть распространится Ваша добродетель! Будь непоколебим в вере. Счастливого пути Вам в дальней дороге.

Дзанабадзар, сложив ладони, три раза поклонился:

— Победоносный перерожденец Очирдара, безгранично мудрый учитель мой, покровительствующий и дарующий счастье Далай-лама, пусть будет непоколебима вера!

Клянясь, Дзанабадзар попятился по небольшому проходу между стоящими в ряд ламами. И когда он раскланывался по обе стороны, отовсюду доносились голоса, желающие счастливого пути. Дзанабадзар кланялся, отступая назад, и думал, что как бы он ни разделял традицию такого почтения и уважения, ему хочется поскорее скинуть с себя это тяжелое бремя постоянно пригибать голову. Между тем промелькнула мысль: «Почему не видно Галдана?»

Душа его будто расправилась, он думал только о возвращении домой. Спустившись, возможно, в последний раз, по лестнице с многочисленными ступеньками, по которым он ходил много тысяч раз, Дзанабадзар сел на коня. В это время с неба из тумана, поднявшегося с вершины гор, упали две одинокие капли дождя. Дзанабадзар подумал: «Как бы то ни было, а я отправляюсь с дождем⁴³.» И еще раз обернувшись в сторону Большого дворца, называемого Поталой, в сторону, где остался Далай-лама, он помолился и, пришпорив коня, поскакал за караваном. Первый халхаский Богдо Джавдзандамба Ундур-геген Дзанабадзар поднялся на перевал Гола, с которого когда-то впервые увидел очертания Лхасы, а будущий святейший хан Галдан вместе со своими адъютантами уже ждал его, чтобы попрощаться.

⁴¹ Гавджи – с тиб.: габжи, ученая степень духовного лица.

⁴² Ваджра — ритуальный сакральный инструмент тибетского буддизма, символизирующий неразрушимую силу. Имеет вид скипетра с пучком перекрещенных молний.

⁴³ Монгольское народное поверье, что дождь в дорогу является хорошей приметой.

Использованная литература

Герасимович, 1991: *Герасимович Л. К.* Литература Монгольской Народной Республики 1965–1985. Очерки прозы. М., 1991.

Эрдэнэ, 1979: *Эрдэнэ С.* Художественный образ — мастерство писателя // Новые горизонты. Лит.-худож. критика в МНР: сб. статей: пер. с монг. Сост. К. Н. Яцковская. М., 1979. С. 260.

Sengiin Erdene
DSANABADSAR
(preface, translation from Mongolian, notes)

Regina V. IVLEVA

Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University

The article offers a translation of the first chapter of the novel “Dzanabadzar” by the contemporary Mongolian writer Sengiin Erdene. The novel was written in 1989 and is dedicated to a real historical figure, the head of the Buddhist Church in Mongolia. Despite its innovative nature and high artistic level, the novel has not been translated into Russian to date. The translation presented below was carried out under the guidance of Dr. Sci. (Philology) L. K. Gerasimovich, as a thesis at the Department of Mongolian and Tibetan Studies (the Faculty of Oriental Studies at St. Petersburg State University). This is the first time the novel has been published. The entire novel is planned to be published. In addition to the translation, the reader will find a preface and notes.

Key words: modern Mongolian literature, Buddhism, Mongolia, Tibet, Lhasa, Buddhist visual arts.

About the author: **Regina V. IVLEVA**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Medical Terminology, Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University (St. Petersburg, Russian Federation) (regina_i@list.ru).